

Роман Борин

Усыновить
ровесника, или
Любовь
на засыпку

Часть 1

Роман Борин
Усыновить ровесника, или
Любовь на засыпку. Часть 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18798587
ISBN 9785447479961*

Аннотация

Мини-повесть о дружбе бывших детдомовцев, переросшей в родственные отношения. Один бывший детдомовец спасает от смерти незнакомого юношу, который оказывается тоже детдомовцем, только сбежавшим. Несмотря на то, что спасённый отбивает у спасителя невесту, дружба между ними оказывается сильнее чувства ревности...

Содержание

Малый в замызганных плавках	5
Дом презрения	18
Знакомство без стакана	33
Так-так	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Усыновить ровесника,
или Любовь на засыпку**

Часть 1

Роман Борин

© Роман Борин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Малый в замызганных плавках

Вечеринка Юрке не понравилась. Он к такому не привык. Может, ещё не успел. А может, подобное вообще не для него. Какая-то полутёмная комната, завешанная безвкусными шторами, дурного вкуса музыка а ля «тамтамы африканских каннибалов», вульгарно покрашенные, ряженые непонятно во что «тёлки» с голыми пупками и глупыми причёсками. Сосут из жестянок пьяную газировку и трясутся под аппаратуру, периодически отваливая на диван закурить, отчего весь вечер в комнате витал дубняк одновременно с клубами сизого дыма...

Вспоминая, Юрка поёжился. Морозило на улице будь здоров – градусов пятнадцать, не меньше. И девки на вечеринку пришли аж с малиновыми пупками. Такая у них мода нынче – и зимой, и летом чтоб непременно голая спина и пупок. «Ещё бы в трусиках пришли, дуры!» – насмешливо подумал Юрка, прибавляя шагу. Часа два всего-то и пробыл в этой душной, но при этом насквозь продуваемой комнате, а замёрз сильнее, чем на улице. Скорее домой – почти добрался уже.

Парень сел на ближайший автобус, сошёл у сквера. Поднявши воротник, быстро-быстро зашагал по тропинке, утрамбованной такими же вот любителями срезать углы. Поворот, ещё поворот, прямая дорога – чуть поднажать, и же-

ланное тепло квартиры, свистящий чайник на старенькой плитке, шкворчащая яичница с салом (у девок и закусить-то оказалось нечем, одни чипсы с солёным арахисом – вот жадины!).

Добрый старенький бабушкин дом. Юрка вздохнул. Сколько лет квартира пустая стояла, Юрку ждала, а вот вернулся, и тревога – тихая, щемящая – привязалась к душе, точно муха домашняя, которой никак умирать не хочется. Вроде бы из детдома возвращаться – быть готовым к одиночеству, во всяком случае, морально. К тому же, красивому молодому парню грех на одиночество пенять. Только начал самостоятельно жить, а уже и девушку встретил, невесту – никак не меньше. А всё чего-то не то, всё не уйдёт никак тоска из сердца.

Что делать? Инфаркт, беда внезапная. Утром человек ещё борщ варил (аромат его до сих пор Юрке будто чудится), но... так и не получилось в тот день обеда...

Внезапно Юрке показалось, будто кто-то простонал.

Замедлив шаг, прислушался, осмотрелся. Впереди зловещей пустотой давно разгромленных окошек предательски чернела бывшая котельная. А рядом громоздилась куча бытового мусора. И... полная, пугающая своей мертвецкою стабильностью, парализующая тишина.

Жилой квартал (непотребного вида четырёхэтажные ба-

раки под снос) начинался всего-то шагах в двухстах от бывшей котельной, однако обходить эту развалюху Юрке всегда было жутковато. А тут ещё и стон! Слабый, еле слышный, но уж очень тревожный, прямо детский какой-то.

Напрягая зрение и слух, Юрка медленно подошёл к мусорной куче. Что это? Опять кто-то простонал? Да, судя по тону, и голос-то почти детский – высокий, отчаянный, хотя и совсем глухой.

Юрка машинально нащупал в кармане пальто связку ключей (два в ней были от квартиры, остальные – чужие, они утяжеляли связку) – на всякий случай. Если придётся давать кому-то отпор, зажатые в кулаке ключи помогут усилить удар.

Когда очень холодно и страшно, ноги так и норовят прошмыгнуть к виднеющимся вдали мрачным стенам домов. Осматривать кучу по кругу в темноте (фонарей здесь давно уже не было, лишь от шоссе добивали слабые огоньки) захотелось бы разве что совсем ненормальному. Тренер Юры по джиу-джицу, кстати, постоянно говорил на тренировках, что страх – нормальная человеческая реакция. Не знающие страха очень часто попадают в больницу, если не на кладбище...

Собравшись с духом, Юрка внимательно осмотрел вершину «культурного» холмика. Что? Он машинально поморгал глазами, надеясь таким образом их прочистить. Но видение не исчезло. Привыкшие к темноте глаза всё-таки различили распластанное на грязном, как сам мусор, снегу абсолютно

голое тощее тело.

Он не успел ничего подумать. Сработала важнейшая древняя реакция человека. Опомнился, лишь когда уже, спустившись с кучи вместе с этим, взваленным, точно мешок с картошкой, неподвижным телом на плечо, почти побежал к жилному кварталу. Дальше всё прошло, как во сне. Думать было некогда: всё-таки килограммов пятьдесят чьих-то юных костей и кожи на себе волок. Что дотащит, в этом он не сомневался: спортсмен всё-таки. А то, что непонятно кого несёт в свою квартиру, Юрка сам с собой даже и не обсуждал – он просто спасал живую душу.

Будто по заказу (чтобы меньше возникало вопросов у соседей) вышло так, что на глаза Юрке, сгибавшемуся под этой непривычно голой тяжестью, никто не попался – даже в подъезде. Лишь в квартире, постаравшись как можно аккуратнее уложить этот груз на любимую бабушкину кушетку, он обнаружил на найдёныше порванные в нескольких местах замызганные плавки. Человек был в полном обмороке, весь пунцовый от мороза. Что необходимо было сделать в первую очередь – Юрка не мог понять. Ему хотелось напустить в ванну горячей воды и окунуть в неё найденыша, но... а вдруг незнакомец вообще того. Кто знает, сколько парень голым на морозе провалялся? Хорошо, хоть дышит. И сердце вроде прослушивается.

Юрка внимательно посмотрел на его физиономию: заморыш какой-то. Тут же и устыдился такого сравнения. Хо-

тя лежавший на старом диване мальчишка на самом деле смотрелся заморышем. Месяц, поди, если не дольше голодал и обитал, как бомж. «Детдомовец, – машинально предположил Юрка, накрывая парня тёплым одеялом. – Только вряд ли московский. Сбежал, поди, бедолага».

Усевшись рядом с парнем на табуретку, Юрка обхватил руками голову. По идее, следовало бы набрать «03»: ведь если даже и не дольше всего пятнадцати минут найдёныш провалялся на морозе, с его комплекцией и почти наверняка подорванным иммунитетом он пневмонию может подцепить в момент. А от неё простой отлёжкой в теплом месте, аспирином и бульоном с чаем не избавишься. Это не считая побоев, которыми парня щедро наградили по черепу и рёбрам, прежде чем раздеть до трусов. Раздели, скорее всего, не ради грабежа (вряд ли на заморыше имелось что-то путное). Просто захотели поглумиться, поржать, вспоминая об этом эпизоде где-нибудь в подвале или на чердаке, тайно обустроенном под их «малину». А то, что накидали они бедолаге по первое число, было очевидно. Иначе пацан, во-первых, не дал бы себя так просто «разгонишать», а во-вторых, не остался бы в мороз на мусорной куче валяться – уж кому-нибудь в дверь да постучался бы.

Говоря откровенно, меньше всего Юрке хотелось получить в квартире труп. А рассчитывать на «авось» (мол, выживет, оклемается и на своих двоих укатит) он как-то с детства не привык: такой уж был от природы правильный, раци-

ональный – аж противно, как нередко оценивают это в народе. Ему и Юля не раз о том же говорила. Правда, с любовью в глазах, без намёка на критику...

Подумав пару минут, Юрка потянулся к телефону. «Юльке позвонить? Посоветоваться?... Нет, какая Юля! Полпервого ночи уже. Да и зачем я буду вешать на неё свой экстрим? В конце концов, Юля ещё не врач, а просто студентка. И всего-то первого курса».

Юрка вздрогнул: парень снова простонал. И слабо зашевелился под бабушкиным одеялом. «А он случайно не того? Не наркоман?» – сама собой сформировалась противная догадка. – Впрочем, какое теперь это имеет значение!». Он решительно набрал заветный номер.

– Друга раздели на улице – до гола! Да, иногородний! Да, в гости! Лежит у меня в квартире без сознания! Кто-кто! Я и принёс его! Он лёгкий. Лет? Шестнадцать, вроде. Не пьяный! Точно! Пульс еле прощупывается, весь горит!

– Адрес! – сказали с того конца.

Отчеканив, Юрка возбуждённо положил на место трубку: «Уф!». Снова подошёл к найденышу. Щёки парня будто охватило пламя. Юрка рефлекторно положил ему руку на лоб. Как огонь. «Под сорок, наверное, – мрачно подумал. – И что теперь говорить врачу? Ни паспорта, ничего! Даже как зовут – не знаю. А если госпитализируют? Менты потом начнут ходить, выяснять. Вот нужно мне это? И главное, расскажи кому – не поверят. Такого, дескать, в жизни быть не мо-

жет».

За размышлениями прослушал, как проскрипели тормоза под окнами, громыхнула дверь машины, потом приглушённо хлопнула подъездная. Треньк! Юрка кинулся открывать. В прихожую бесцеремонно ввалился молодой худощавый доктор в синей униформе. «Лет тридцать – не старше», – опять само собой оформилось в Юркиной голове.

Врач, не поздоровавшись, протопал напрямиком в гостиную.

– Где пострадавший?

Юрка не успел ещё запереть дверь и вернуться к дивану, а доктор уже склонился над найдёнышем, прощупывая пульс на выскользнувшей из-под одеяла правой руке. Машинально засуетившись, Юра подставил врачу табуретку. Не торопясь на неё «приземлиться», парень откинул в сторону одеяло, внимательно осмотрел грудь, живот и ноги больного, положил свою узкую интеллигентную ладонь пациенту на лоб. Затем выпрямился, разместил на табуретке чемоданчик, точно выверенным движением распахнул его. Ещё через пару секунд подмышкой у найденыша притулился термометр. А врач извлёк из чемоданчика стетоскоп.

– Он что, без сознания? – в голосе врача проскользнула издёвка. – Сколько времени пробыл на улице?

Юрка замялся. Однако врач, похоже было, и не ждал ответа.

– Откуда я могу позвонить?

Ответ опять же не понадобился: глаза врача точно попали на старый бабушкин аппарат. Сделав два сухих шага к телефону, парень резкими движениями пальцев покрутил диск (телефонный антиквариат, должно быть, немало его удивил).

– Подстанция номер восемь? Тринадцатый у аппарата. Всё нормально. Минут через десять позвоню.

Положил трубку, помолчал. Потом пристально глянул на Юрку. Но заговорил с ним не сразу – с минуту сверлил парня глазами, словно намереваясь в чём-то уличить. Наконец его губы задвигались:

– Ну и как теперь быть?

Юрка виновато хлопал слипающимися ресницами. Ужасно хотелось спать. Врачу, по-видимому, тоже.

– Что? – Юрка выдавил из себя улыбку.

– Я говорю, как Вы предлагаете мне поступить? (пауза) Документов у него, скорее всего, нет, если я не ошибаюсь.

Юрка согласно кивнул.

– Про полис я уж и не спрашиваю.

– Полис? – словно спохватился Юрка. – А разве скорая...

Врач пренебрежительно поморщился:

– Разве скорая... Причем тут «разве скорая»? Понятно, что я его и без полиса могу госпитализировать. Только с полисом можно было бы в Боткинскую отвезти. А без полиса, да ещё без паспорта – в бомжатник разве какой. Есть такие стационары в Москве...

– Не надо! – прозвучал вдруг в квартире отчаянный сто-

нущий голос – высокий, мальчишеский.

Врач и Юра рефлексивно переглянулись. Доктор тут же обернулся к пациенту, теми же двумя шагами приблизился к дивану, извлёк из подмышки парня градусник, академически глянул, присвистнул:

– Не надо, стало быть?! Сорок один!

– Не надо в больницу, – жалобно повторил мальчишка. – Я... я лучше... мне уже лучше. Ему... спасибо...

– Дорогой мой, – вдруг накинудся на него врач. – Мне-то что? Пусть твой друг напишет расписку, а ты подпишешься. Впрочем, тебе есть восемнадцать лет? То-то и оно. Я не могу тебя оставить, понимаешь? Обморожения, слава Богу, нет, но воспаление лёгких ты точно схватил. А плюс ко всему ещё не известно, что у тебя с головой, по которой тебе, юноша, как следует саданули. Я уж не говорю про ваши рёбра, молодой человек. Хотя им тоже досталось немало. И надо обязательно сделать рентгеновский снимок.

Найдёныш промолчал. И врач, спохватившись, быстренько зарядил шприц каким-то лекарством.

– Ну-ка, парень, перевернись на живот и приспусти плавки, коли ты вменяем. От такой температуры можно и дуба дать.

На удивление Юрки, пацан, хотя и с трудом, но повернулся, подставив врачу покрасневшую от резкого перехода к теплу ягодицу, в которую был тут же всажен укол.

– Короче, слушайте меня внимательно, – закрывая че-

модан, сухо подытожил медик. – Турусы на колесах разводить мне с вами некогда. У меня сегодня как минимум ещё три вызова. Моё мнение – парня следует госпитализировать. Температура у него через полчаса упадёт градусов до тридцати восьми. Но к утру, скорее всего, повысится опять. С другой стороны, явной угрозы для жизни вроде бы не наблюдается. Документов у него при себе нет, и я могу оформить его как бомжа, которому оказана помощь на улице и дано направление в ночлежку с медицинским изолятором. Но он отказался туда ехать, поскольку один его знакомый молодой человек позвал его на ночь к себе. В карте вызова я напишу температуру тридцать восемь и пять – при такой госпитализация по скорой не обязательна. Но я непременно укажу адрес нахождения больного без документов и ваши, молодой человек (на этих словах он многозначительно посмотрел на Юрку) паспортные данные. И вы мне напишете сейчас расписку в том, что берёте больного под свою ответственность.

– А если я убегу? – от дивана донёсся заметно окрепший мальчишеский голос.

Юрка от неожиданности захлопал ресницами. Однако врач в сторону найдёныша даже не глянул:

– Это ваше с ним личное дело. Мне надо закрыть вызов. Либо как ложный – но тогда вас, молодой человек, оштрафуют, либо в том варианте, который я вам сейчас предложил.

В строгости помолчав, врач добавил:

– Либо я должен отвезти его в стационар... Выберите...

На полминуты в квартире зависла усыпляющая тишина.

Потом найдёныш заговорил снова, правда, Юрке показалось, что парень уже засыпает:

– А что, если... вызов был не... не ложный... а... когда врач прибыл, я уже убежал...

Врач усмехнулся:

– Он бредит. Если к моменту прибытия скорой больного на месте не оказалось, то вызов оформляется как ложный. А станция уже зафиксировала этот адрес и телефон. И, между прочим, ваша фраза «друга раздели на улице, и он лежит у меня в квартире без сознания» уже автоматически пошла в УВД. Боюсь, визита участкового вам всё равно не избежать.

– Тогда оформляйте ложный вызов, – буркнул Юрка. – Пусть лучше я заплачу.

– Дорогой мой, – снова вскинулся врач. – Да тебе известно, сколько на лекарства для этого прохвоста придётся потратить? Всё равно придётся вызвать врача... Ты мне лучше честно скажи, не юли (доктор нервно посмотрел на свои наручные часы): он действительно твой друг? Или это просто... Ну, ты понимаешь, о чём я говорю. Смотри, заразу не подцепи... Да ладно, не ерепенься сразу-то. Какие все нежные стали!

– Я вам заплачу! Сто баксов устроит? – сухо отчеканил Юрка.

– Ну-ну, – снова усмехнулся врач, на этот раз более добродушно. – У тебя родители такие богатые? За кого ты меня принимаешь...

– У меня их вообще нет, – тихо перебил Юрка.

– А! Понял... Извини, брат, – согласно кивнул врач. – Я, между прочим, тоже детдомовский, – он слегка покашлял. – Короче, знаешь что?

Он вынул из нагрудного кармана куртки записную книжку, что-то в ней чиркнул, вырвал листок:

– На-ка вот. Мой мобильный. Если что, звони – помогу чем смогу.

После этого парень быстро подошёл к старому бабушкиному круглому столу, застеленному старой, но добротной скатертью, присел на краешек старого венского стула, что-то написал в большой медицинской книге. Потом снова потянулся к телефону:

– Восьмая? Тринадцатый опять. Всё нормально, первая помощь больному оказана, необходимости помещения в стационар нет... Ага!.. Да, лёгкие ушибы... Нет, какое ограбление... Парень выпил малость, задурил, вышел раздетым на улицу, в смысле, в одной рубашке и трениках, пошёл в палатку за коктейлем, поскользнулся и упал. Ну, повалился минуты две, замёрз немного, потом вернулся. Друг перепугался, вызвал скорую. Так, пустяки... Ага! Записываю! Дом 15? Всё понял, буду на месте минут через десять.

Положив трубку, парень посмотрел немного в одну точку

на своей книжке, потом захлопнул её, встал и пожал Юрке руку.

– Рецепт я тебе оставил на столе. Если есть водка, разотри его как следует. Потом смажь... , пусть смажет кожу кремом. Или купи где-нибудь барсучьего жиру. Ему полезно его и внутрь, и наружно. Парню придётся отлёживаться с месяц. Усиленное питание – побольше горячего куриного бульона, варёной телятины, свежих овощей и фруктов. Если откроется рвота на фоне не очень высокой температуры – значит, сотрясение мозга схватил. Звони – придумаем, что делать... Да, и теплее одевай его. В смысле, накрывай тёплым одеялом. Будем надеяться, что пневмонии у него всё-таки нет. Но если утром состояние резко ухудшится – там, судороги начнутся, кожа побелеет резко, температура опять до сорока одного подскочит – звони мне. Или снова вызывай скорую... Тогда ничего не поделаешь.

– Спасибо, – потеплевшим голосом ответил Юрка. – Не знаю даже, как вас благодарить. Может хотя бы пару сотен...

– Всё, проехали, – перебил Юрку врач, дружески хлопнув по плечу. – Пока!

И в уже в дверях:

– Если что, не стесняйся, звони. Я ведь за вас, подлецов, теперь переживать буду. Я ж на свою ответственность вас обоих взял, – подмигнув Юрке уже из-за порога, парень лихо поскакал по ступенькам вниз...

Дом презрения

Несмотря на озноб – признак высокой температуры – Владик наслаждался жизнью. К счастью, его не тошнило, даже наоборот – хотелось есть. В голове немножко гудело, ссадины и царапины «горели», но всё это ему казалось сущим пустяком по сравнению с тем, что он уже оставил далеко позади.

Мысли бегали по кругу, путано и прерывисто. Чаще почему-то вспоминался «дом презрения» – с его холодными шершавыми стенами мрачных коридоров. И не менее холодными, почти паучьими глазами обитателей этого «проклятого», с точки зрения Влада, места, рассадника, как он считал, цинизма, несправедливости, жестокости и... самого настоящего садизма.

Директор, воспитатели, учителя, хозработники, даже повара – все там казались Владу на одно лицо – непроницаемое в своём безразличии к творящемуся вокруг беспределу.

Ему очень хотелось, чтобы «дом презрения» провалился куда-нибудь в бездонные глубины его памяти, чтобы наводящие тоску картинки из той, прошлой жизни в «доме презрения» сами собой не всплывали в сознании. Он искренне удивлялся, почему самый последний в его жизни эпизод садизма не кажется ему столь пугающим, каковыми казались фрагменты его существования там, откуда он несколько ме-

сяцев назад сбежал. Совсем недавно его не просто избили, подавив явным численным превосходством и совершенно непонятной ему злобой. Его бросили умирать на морозе, без какой-либо капли жалости методично раздев до трусов. Он даже запомнил ехидный голос одного из мучителей, изрекший с желчным сожалением о том, что «не оголили жопу этому дохляку», какие, мол, все брезгливые нынче пошли братаны. И дикие вопли радости тех, кто решил, что сжечь на костре «вонючие тряпки» раздетой жертвы (жертвы подросткового идиотизма), – это круто и «клёво».

Самое интересное, отрывочные воспоминания этого эпизода Влада совершенно не трогали. В то время как картины «дома презрения» вызывали чувства, сравнимые с чувством паники. Позже он понял, почему более далекое прошлое било его гораздо сильнее, чем совсем недавнее и в гораздо большей мере опасное для жизни. Хотя в «доме презрения» его никто не раздевал на морозе, а фонари под глазами и ссадины на теле он получал в том же количестве, что и раздавал в ответ – одно беглое воспоминание о «доме презрения» будто колом вбивало в его сознание константу о том, что, хочет он этого или нет, но возврат в «проклятые» коридоры реален настолько, насколько реальна сама жизнь. Переделка, в которую он попал в одной из трущоб Москвы, в сравнении с реальностью возврата в этот дом воспринималась им не более, чем простое мимолетное падение с велосипеда, которое вряд ли повторится в таком же варианте, а если

и повторится, то боль от ушибов промучает его недолго. Так что, положив руку на сердце, именно поэтому Влад «вечному» ожиданию счастливого финала, к которому когда-нибудь подойдёт его жизнь в «доме презрения», предпочёл голод и холод скитаний по России-матушке без гроша в кармане. Он всегда задумывался над вопросом, почему некоторые солдаты не выдерживают армейской дедовщины всего каких-нибудь полторга года. А когда понял, что детдомовская дедовщина, скорее всего, не лучше армейской, решил, что он сам ничем не хуже дезертира...

До последнего акта «дезертирства» он сбегал три раза – в десять, двенадцать и четырнадцать лет. И все три раза с «позором» возвращался на «прежнее место жительства», сопровождаемый одним из воспитателей с холодными паучьими глазами.

Первый раз Владик удрал от подлеца Сережки. Был у них в доме такой хулиган старше Владика лет на пять – не давал проходу малолеткам. К Владiku у Серёги созрели особые «симпатии». И тот факт, что именно их, эти «симпатии», Владик-то и не принял несмотря ни на какие угрозы и трёпку, приводил Серёгу буквально в бешенство. Его не остановили даже старшие ребята, которые однажды, прознав, чем занимается Серега с малолетками, как следует его отколошматили. Серега просто изменил тактику. Владик легко терпел подбрасываемых в кровать лягушек, мышей, пауков и даже раздавленных гусениц, но когда Серега после смены

белья на кроватях сходил по большому на простыню Владика, это оказалось выше его сил. Со слезами на глазах доведённый до отчаяния мальчишка набросился на своего учителя, встретив его в одном из мрачных коридоров. Серёга, разумеется, именно этого и ждал. Используя свою гораздо большую массу тела и силу мышц, он припечатал пацана спиной к холодному и грязному полу, уселся на Владика верхом и, вместо того, чтобы просто избить, в клочья разорвал ему рубашку и сделал на носу мальчишки «сливу». К изгаженной столь непотребным образом постели добавился ещё и презрительный хохот сверстников, которые также страдали от Серёги и любыми способами пытались заслужить его расположение.

Владик убежал в ту же ночь. Вернули его через три дня, обнаружив спящего в уголке на вокзале. К счастью, директор (дядя Ваня, как его за глаза звали воспитанники детдома) уже успел принять весьма эффективные меры в отношении хулигана – унёс аккуратно сложенную простыню с фекалиями к себе в кабинет, вызвал туда Сергея, и едва тот переступил порог, вытер этой простыней хулигану физиономию. Весь детдом три дня, пока искали Влада, хохотал над тем, как «дядя Ваня заставил Серёгу скушать его же собственное говно». Принудительно вернувшись, Владик не испытал от факта столь экстравагантного наказания своего мучителя какого бы то ни было удовлетворения. Но несколько месяцев

после этого случая Серега вёл себя достаточно тихо, а другие хулиганы Владика старались не замечать. Потом Серёга украл в магазинной кассе пачку с деньгами, и его отправили в колонию для несовершеннолетних.

Во второй раз Владика допёк их новый воспитатель, холостой парень лет тридцати, когда-то отчисленный из педвуза за драку. Владик, как и многие другие обитатели «дома презрения», знал, что на работу к ним никто не идёт, поэтому дядя Ваня вынужден брать практически первого подвернувшегося под руку. Воспитатели у них часто менялись, и уход кого бы то ни было из них ещё ни разу в бытность Владика ни у кого не вызвал сожаления. Никто из воспитателей и не скрывал, что работу свою ненавидит всеми фибрами души, а в «доме презрения» остаётся исключительно из-за царящей в городе безработицы, будучи готовым уйти в три секунды и без расчёта, едва подвернётся что-нибудь другое, «более менее приличное», как любили повторять эти безликие и чёрствые существа, сменяющие друг друга на посту воспитателя.

Старшие ребята говорили, будто раньше дядя Ваня не был таким равнодушным и жёстким. Но, так и не найдя в своём хозяйстве поддержки со стороны подчинённых, директор окончательно выбрал золотую середину – ни вашим, ни нашим. То, что он запросто мог отлупить у себя в кабинете кого-либо из отпетых обитателей «дома презрения», отнюдь не делало жизнь слабых и не боевых детдомовцев спокойнее.

Розданные от благотворителей конфеты приходилось съедать в столовой в присутствии директора, хотя при этом наглые «крутые» (мало ли их было кроме Серёги) умудрялись обкладывать всех остальных данью – либо сумеи часть конфет спрятать, либо укради потом на рынке или в магазине. Что конфеты! По мере взросления Владика жизнь в «доме презрения» для него становилась всё более не выносимой. Прежде всего, для души.

Тот воспитатель, заметив, что Влад ни с кем из подростков не находит общего языка и держится особняком, с вождедением принялся муссировать сей факт среди воспитанников. «Одиночек общество не приемлет, одиночек общество презирает, одиночек общество третирует», – чуть ли не каждый день язвительно вещал этот «Недоделанный» (как про себя прозвал его Влад), заставляя мальчика вне очереди дежурить по этажу, лишая его компота или запрещая ему выходить на улицу во время подвижных игр. Впрочем, это были цветочки. Ягодки начались, когда Володя-поросёнок (а так его прозвали остальные воспитанники – за его маленькие поросычьи глазки с белесыми короткими ресницами и привычку чавкать, пожирая отнятые у подростков сладости, которые, по его твердому убеждению, они ещё не заслужили, да и начальство сверх скудного полдника ничего им не давало) начал откровенно натравливать на Влада его ровесников и ребят чуть постарше. Дескать, прочтите вы, как следует,

этого эгоистичного молчуна – довольно ему всех игнорировать. Многие пропускали напутствия «Недоделанного» мимо ушей. Но находились и такие, кто с удовольствием следовал его советам. Больше всего Влада доставали не откровенные нападения, когда противник являлся лицом к лицу (или лицом к спине), и нужно было только махать кулаками или бороться. К синякам и шишкам Влад успел привыкнуть. Он и сам их отвешивал в качестве сдачи. Жизнь стала невыносимой от постоянных, изматывающих душу мелких пакостей исподтишка, когда лицо пакостника оставалось тайной за семью печатями. Дерьмо в постель аля Серёга больше не повторялось. Однако другие пакостные штучки оказывались не слаще.

Однажды у него из кармана брюк украли красивый брелок, подаренный девочкой Дашей, дружбой с которой Влад очень дорожил.

Даша была намного старше. Она выпустилась из «дома презрения» как совершеннолетняя и на прощанье подарила Владу этот брелок. «Если бы я ушла в свою собственную квартиру, Владик, я всё бы сделала, чтобы забрать тебя к себе». Так она сказала, смахивая со щеки слезу, когда они прощались. Увы, Даша уезжала в другой город – в общежитие ПТУ, куда она поступила учиться сразу после школы. Их прощание – и то постарались омрачить, петухами выкрикивая колкости типа «гляньте-ка, как совращает несовершеннолетнего пацана половозрелая девица!». А тут ещё и брелок

украли. Но и этого пакостникам показалось мало. На уроке географии, когда Влад отвечал у доски, кто-то швырнул ему под ноги брелок. Это оказался другой брелок, только похожий на Дашин. Но Влад рефлекторно нагнулся и... раздался хохот. Не смогла удержаться даже географичка. Ещё бы. Ночью кто-то распорол брюки Влада сзади по шву – когда Влад нагнулся, брюки разъехались в стороны. Вроде бы, что смешного – под штанами оказались трусики. Но весь класс хохотал с таким наслаждением, что Владу стало по-настоящему дурно. «Козлы вы все! Козлы и дерьмо!» – сказал он тогда жёстко и злобно, прежде чем выйти из класса. Брюки он быстро зашил в подсобке у технички Веры Андреевны. Но после уроков его встретили за школой целой ватагой и... бить не стали, а, повалив на асфальт, толпой содрали с него штаны вместе с трусами и разодрали их в клочья прямо у Влада на глазах.

Такого унижения Влад не стерпел. Он принялся мстить всем своим обидчикам и за это угодил в «карцер».

Странно, что терпел Влад от целого отряда одноклассников, но возненавидел при этом одного лишь Володю Недоделанного. Дождавшись, когда его выпустят из «карцера» – холодного и грязного полуподвального помещения без окон с одной лишь железной кроватью у шершавой стены, Влад сбежал через окно коридора в ту же ночь – с третьего этажа умудрился спуститься. А перед этим исписал все стены коридора зубной пастой: «Володя Недоделанный – подонок».

Далеко уйти ему снова не удалось. На этот раз его перехватила очень сердобольная проводница поезда дальнего следования, куда он, по наивности своей, напросился «на третью полку на одну только ночь» за уборку плацкартного вагона. Дама сразу смекнула, в чём дело, усадила пацанёнка за чай с бутербродами в своём купе и потихоньку сообщила в железнодорожную милицию. Уже на следующей станции в купе заглянула симпатичная женщина-милиционер из детской комнаты городского УВД. К счастью Влада, в детдом она доставила его сама, а поскольку с поезда его сняли около двух часов ночи, то повезла она Влада (её звали Евгения Михайловна) сначала к себе домой – ночевать. Утром же, пожалившись над мальчишкой с таким несчастным видом, старший лейтенант Морозова не стала его будить. Поэтому назад в детдом он вернулся только к обеду следующего дня.

Передавая парня с рук на руки директору дяде Ване, она около часа с ним о чём-то доверительно говорила. Владик догадался, что милиционер Женя просила дядю Ваню ни в коем случае не наказывать мальчишку и первое время проследить за тем, чтобы его никто не обижал. Как ни странно это показалось Владу, уговоры тёти Жени помогли. Его никто не замечал в «доме презрения» целую неделю – даже Недоделанный. Потом, когда Влада снова начали «ненароком» задевать, а Недоделанный вернулся к своему амплуа – подтравливать «коллектив» на «единоличника», Влад при-

способился очень эффективно «угрожать» старшим лейтенантом Морозовой, которая, якобы, оставила ему свой домашний телефон – на случай, если кто-нибудь его заденет. Как-то Недоделанный даже ядовито спросил, не намеревается ли защитница в погонах усыновить Нечаева (фамилия Влада), чтобы тому можно было на законных основаниях «урвать из детдома без оглядки». Ну а чуть позже Володе подвернулась «более приличная» работа в системе ГУИН, и больше он Влада не допекал.

Влад Нечаев продержался до следующего побега ещё два года. Какое-то время его действительно никто особенно не доставал. После выхода в очень популярной местной газете весьма гневной статьи «Почему убегают детдомовцы?» в их «дом презрения» зачастили комиссии из РОНО. Вместе с ними иногда приходила и тётя Женя. Более того, в течение этих двух лет она минимум один раз в месяц забирала Влада к себе в гости на выходные дни. У них с мужем, капитаном «убойного» отдела, ещё не было собственных детей, поэтому провести пару дней в месяц с ребёнком из детдома обоим было даже интересно. В субботу его обычно водили в местный кинотеатр, оборудованный системой «Долби», где капитан, Сергей Тимофеевич Морозов, непременно покупал парню огромную пачку попкорна и большую бутылку колы. Дома у милицейской четы кроме вкуснейшего обеда и ужина Влада ожидал цветной телевизор с дивиди-приставкой и компьютерными играми. Зимними воскресеньями они

втроём ходили на лыжах в парк, в котором было много чудесных склонов. В то счастливое время Влад искренне жалел, что зимы не тянутся дольше обычного.

А потом Женя родила, а у капитана Морозова расширился объём работы. Убойный отдел всё-таки...

И снова в «доме презрения поменялись» воспитатели – на место обычных, как водится, пришли подобные Володе Недоделанному. Впрочем, к тому моменту Влад уже ничего не боялся. Капитан Морозов сумел внушить в парня уверенность в своих силах, плюс ко всему Влад подросток, сильно вытянулся и раздался в плечах, начал ходить на тренировки по боксу в спортзал Дома железнодорожников. В третий раз он даже не убежал, а ушёл. Просто не вернулся с тренировок.

Переночевал тогда Влад у знакомого пацана, своего напарника по тренировкам. У Игоря в тот день родители уехали в другой город навестить больную бабушку – парень сразу пригласил Влада к себе, чтобы не скучно было. А потом, чтобы не нагорело от дяди Вани, Влад просто решил в «дом презрения» не возвращаться. Попросил у Игоря взаймы пятьсот рублей (родители у приятеля были неплохо обеспеченные), самому сказал, что едет в гости к Даше (парень, конечно же, такую инициативу сразу одобрил), и с утраца отправился на автовокзал. В автобус можно было сесть, не предъявляя паспорта. За сто рублей Влад укатил в областной центр – в самый Томск. Даша ведь писала ему письма из ПТУ. К то-

му моменту она, правда, его уже закончила, а куда устроилась, не написала. Владик, разумеется, не верил, что Даша писала ему так редко. По его твёрдому убеждению, большую часть Дашиных писем от Влада скрывали воспитатели – из обычной вредности. Но в Томске он рассчитывал через то самое ПТУ разыскать и Дашу. Увы, не получилось: в общезнании ПТУ удалось выяснить, что Даша неожиданно вышла замуж за военного и уехала с ним чуть ли не во Владивосток. А куда конкретно, не знала даже лучшая её подруга, по-прежнему жившая в том общезнании. Но Владу уже и не надо было знать, куда именно увёз Дашу его неведомый соперник. Конечно же, Владик тогда вовсе не думал о Даше как о потенциальной невесте. Какие невесты в четырнадцать лет. Она ему была почти как сестра, единственная, любимая, самая близкая из всех людей, которых он когда-либо знал на тот момент жизни. И, почему-то ему так показалось, она его предала.

Переночевав в общезнании швей-мотористок (подруга Даши Нина отвела его в комнату, из которой все в то время уехали на каникулы к родителям), Влад утром позавтракал с Ниной овсянкой и яичницей, напился чаю с лимоном и мёдом, поболтал с накормившей его хозяйкой комнаты до обеда, потом, последний раз откушав сваренных Ниной щей и сарделек с макаронами, отправился на вокзал. Добро было лето, а то ведь февральские морозы трещали на улице.

Из Томска за ночь Влад автобусом перебрался в Омск. Там проболтался, не зная, куда податься, до вечера. Ночь провёл на автовокзале. Под утро его арестовал милиционер. Привёл в отделение, сравнил с фотороботом.

– Ты, голубчик, похоже, на особом счету в своём городе стоишь, – усмехнулся принявший его сотрудник детской комнаты милиции. – И чего тебе на месте не сидится? Ей богу, не пойму вас, детдомовских. Кормят четырежды в день, одевают, в баню водят, в школе учат. Так вы друг другу житья не даёте. Это потому что на всём готовом живете, горя не знаете. А потом выходите в самостоятельную жизнь беспомощными, – с умным видом подытожил мент, оформляя для Влада справку на получение бесплатного билета до дома.

Ночевать ему пришлось в одном из подростковых приютов, в котором, к счастью, все пацаны оказались младше и слабее Влада, а воспитатели следили только за тем, чтобы никто не сел за стол, не помывши рук, и не слопал заодно чужую порцию. Утром за Владом приехал сам дядя Ваня с физруком Андреем Васильевичем, подтянутым пожилым волейболистом, к которому Влад относился с некоторой долей уважения. Когда они вышли из приюта, Владу показалось, будто у дяди Вани очень чешутся ладони – отвесить Владу хороший подзатыльник. Но ничего подобного не произошло. С ним даже не стали разговаривать. Только Андрей Васильевич как-то странно подмигнул Владу. Было не понятно, подбадривает он его или осуждает.

«Дом презрения» к тому времени поразительно изменился. По крайней мере, для Влада. Или, скорее всего, изменился сам Влад. Настолько, что уже не замечал вокруг себя всякой мышшиной возни и разборок между сильными и слабыми. Когда его задирали, он равнодушно бил обидчика резким хуком или свингом. Хотя секцию бросил. И пятисотку Игорю так и не отдал. Тот, впрочем, простил его. Но дружба их как-то незаметно сошла на нет.

Побеждать физически ему удавалось не всегда. Иногда кто-нибудь из старших «крутых», игнорируя всякие правила бокса, просто валил Влада на пол, укладывал на лопатки и, усаживаясь на Влада подобно всаднику, крепко давал ему сверху по физиономии, иной раз до крови и фонарей под глазами. Это теперь не воспринималось им как издевательство или что-то явно нетерпимое. Даже побитый, он равнодушно цедил сквозь зубы, что очень скоро отомстит. И обидчики на несколько недель забывали про непокорного «щегла».

После «предательства» Даши жизнь вокруг Влада протекала как в сером тумане. Другие девчонки его почему-то не интересовали, хотя перед каждой дискотекой или так называемым балом кто-нибудь из них обязательно спрашивал, придёт ли он. Он не приходил. И девчата решили, что Влад просто не любит и не умеет танцевать, поэтому надеяться на белый танец, чтобы наконец-то его пригласить, совершен-

но бесполезно. Через какое-то время и девочки потеряли к Владу интерес, хотя, как он слышал краем уха, его считали симпатичным, даже красивым. И недоумевали, почему он при своей такой интересной внешности всё время ходит хмурый и ни с кем не общается.

К моменту, когда Влад решил покинуть «дом презрения» навсегда, чего бы это ему ни стоило, он понял, что ему просто претит вся атмосфера детдома. Всё в нём казалось Владу холодным, отталкивающим, паучьим. На этот раз он ушёл в конце сентября, в тёплую солнечную погоду. Пешком.

Знакомство без стакана

– Ну ты чего? – на Влада в упор смотрела симпатичная юная рожица с улыбкой до ушей. – Как себя чувствуешь? Может, есть хочешь? Пить?

Губы Влада сами собой разъехались в ответной улыбке. Как-то неожиданно для него всё это было. Как-то не так. То есть, как в жизни не бывает. Потому что просто не может быть.

Но он чувствовал, что в здравом уме. И что это не сон, не бред. Хотя и температурил будь здоров как. Только не верилось, что ощущения не врут. Фантастика какая-то...

– Ладно, не отвечай. Сам знаю, что с таким жаром кроме воды ничего в горло не лезет. Сейчас я чаю принесу, с лимоном. И лекарства пора принимать. Стас скоро приедет. Обещал по пути заскочить на пару минут. У него рядом два вызова. Сказал, ерундовые.

Юра побежал на кухню, и через полминуты до горячих ушей Влада донеслось яростное шипение чайника.

«Надо же, – произвольно возникло у Влада в голове, – тоже детдомовец. Только, во-первых, московский – не чета нам, сибирякам. А во-вторых, уже отмучился. Если вообще мучился... Интересно, это его хата или снимает?».

Влад тут же устыдился «бабского» любопытства. Какая разница, чья квартира! Все равно тут ему долго не задер-

жаться. Два мужика в одной хате. Ненормально.

На табуретке перед Владом возникла чашка с поднимающимся к потолку густым горячим паром. Насыщенный тонкий аромат пробил даже заложенные ноздри Влада. Давно не пил свежесваренного чая. А лимон? Как здорово он пахнет!

Впрочем, Влад вдруг вспомнил, как закусывал водку долькой лимона. По коже тут же пробежала неприятная волна. Фу, мерзость. Не лимон, конечно, а те придурки, садисты, гады. А ещё москвичи, скины. Которые, как они всех уверяют, бьют исключительно «черножопых». Может быть, еще и немцев с латышами и эстонцами. За что его-то избили да ещё раздели на морозе – он так и не понял. Влад, понятное дело, захмелев (ведь не жрал нормально сколько времени!), мог чего-нибудь не то сболтнуть. Ведь сначала бритоголовые его пригрели. В подвале той самой котельной.

– Ну! Пей чай давай, пациент! Перед доктором надо в лучшем виде предстать, чтобы касторки не выписал! И хлористого кальция! – натянуто пошутил Юрка, присаживаясь у дивана на другую табуретку. – Тебе не холодно тут? – спросил прямо как папа какой, озабоченно, по-взрослому. – А то я могу тебя ко мне в комнату перетащить. Она теплее, чем гостиная.

Влад привстал на локтях, потянулся к чаю, судорожно отхлебнул, скривился:

– Кипяток! Чуть горло не сварил...

– Обжёгся? – Юрка немножко испугался. – Извини, не остудил. Ничего, сейчас остынет.

– Да ладно, всё нормально, – Влад почему-то старался казаться развязным, шпанистым. – Слушай, а чикалдыкнуть за знакомство у тебя случаем нет?

Юрка развёл руками:

– Извини, браток, не держим.

– Да я так, – нарочито протянул Влад, осторожно прихлёбывая чай. – Я на самом деле на алкоголь не западаю.

– Знаешь, – Влад вдруг оживился. – Ну, в общем... Как тебя?

– Да, мы ведь ещё и не познакомились! – спохватился Юрка. – Юрий Петров меня зовут. Можно просто Юрик. Живу, как видишь, один. Мама погибла в автокатастрофе – давно. Папа тоже.

– Оба значит, – вздохнул Влад.

– Бабушка шесть лет назад умерла. Да, ты что-то хотел попросить, если я не ошибаюсь?

– Да я это, – Влад засмушался.

– В сортир, что ли, – засмеялся Юрка.

– И это не мешало бы. Только я... короче, очень жрать почему-то охота. Я и сам удивляюсь, – Влад по инерции начал оправдываться.

– Так бы и сказал.

Юрка немедленно отправился на кухню и минуты через три вернулся с горячим куриным бульоном, в котором пла-

вали кусочки белой курятины.

– Стас приказал тебе пока только это давать. Спадёт температура, что-нибудь посущественнее приготовим.

– Спасибо, – Влад снова улыбнулся, будто застенчивая девушка.

И принялся жадно пить бульон. Потом есть куриное мясо, вылавливая его пальцами, потом вернулся к остывшему несладкому чаю. Потом Юрка заставил выпить его таблетки, микстуру и какой-то чрезвычайно кислый порошок. Наконец Владу удалось сходить в клозет. На диван он вернулся с удовольствием, так как, во-первых, его сильно шатало от невероятной слабости, а во-вторых, в одних трусах было очень зябко. Хотя, как выяснилось позже, в гостиной было около двадцати градусов.

Накрылся толстым Юркиным одеялом и забалдел. Самому даже странным казалось: всё тело ломает, знобит, голова тяжёлая, нос заложен – и при таком состоянии он по-настоящему захлёбывался от счастья. «Это потому что на собственной шкуре испытал, почём фунт лиха, – невольно нашлось объяснение такому парадоксу. – Совсем вроде недавно помирал на морозе, и вдруг, не шевельнув пальцем, оказываюсь в чистой уютной квартире, на мягком диване под тёплым одеялом. И мне ещё прислуживает приятный парень. Конечно, лучше бы девушка. Но всё равно – разве не чудо ли со мной произошло! – с блаженством в душе подумал Влад, закрывая глаза.

Спал, ворочаясь сначала от озноба, потом от жара и пота, во сне вскрикивал, постанывал и со страхом в сердце просыпался. Вокруг него было тихо, уютно, безмятежно. Он даже не думал о том, куда вдруг исчез не по-человечески заботливый хозяин «берлоги». Оглядываясь по сторонам, успокаивался, начинал невольно думать о хорошем и незаметно для самого себя опять проваливался в целительный сон.

Потом снова перед глазами возникал Юрик, рядом с ним тот самый врач, которого Юрик называл Стасом. В руках у Стаса появлялся шприц. Потом он что-то прослушивал в груди Влада, что-то простукивал своими сильными пальцами, о чём-то тихо говорил с Юриком. И также, как и появлялся, неожиданно исчезал.

В комнате то темнело, то вдруг зажигался свет или наступал день. Волшебным образом перед Владом возникала вкусная еда, даже апельсины, груши и яблоки. «Сколько же я буду ему должен!» – вспыхивало в голове у Влада. И возвращалась блаженная безмятежность.

Однажды вместо Стаса Влад увидел рядом с Юрой стройную девушку с очаровательной улыбкой, большими чёрными ресницами и необыкновенно бархатистой кожей лица. Заметив, что Влад в смущении смотрит на неё с дивана, девушка положила свою аккуратную головку Юрке на плечо и, у Влада вдруг сильнее забилося сердце, подмигнула ему. Не Юрке (он в тот момент не мог видеть её глаз). Она подмигнула

Владу!

В тот вечер они так и не заговорили друг с другом. Девушка и Юрик, видимо, не хотели тревожить больного. А Владик застеснялся. Да и, по большому счёту, ему вполне хватило её улыбки и... воздушного поцелуя, который, показалось Владу, девушка послала ему украдкой.

Юрик что-то спросил Влада, типа «как самочувствие, нет ли жалоб, может что-нибудь хочешь». Влад улыбнулся в ответ (со стороны было не ясно, кому именно он улыбается), но ничего не ответил, потому что балдел от какой-то странной, прямо волшебной волны накативших на него ощущений. Так обычно бывает, когда кто-то симпатичный тебе начинает вдруг мягко листать, к примеру, твою тетрадку. Или что-то выравнивать, разглаживать, приводить в порядок из твоих вещей. Влад вспомнил, что такого рода ощущения, всегда вызывавшие в нём состояние полной безмятежности (балдежа, как он говорил обычно), возникали у него, когда Даша, тогда ещё старшая воспитанница детдома, начала проявлять о нём заботу – подчищала ляпы в его тетрадках, одевала в полиэтилен его учебники, вытряхивала мусор из его портфеля...

– Ну ладно, спи, – сказал Юрка. – Не будем тебе мешать. Что понадобится – позовешь, лады?

Они притушили в гостиной свет и, воркуя, как голуби, удалились в спальню.

«Даже не познакомил нас», – спонтанно подумалось Вла-

ду.

Впрочем, он и так догадался, что это Юля. Слышал, как Юрка общался с ней по мобильнику. Говорил таким ласковым голосом, что ты!

Странно! Влад поймал себя на том, что, оказывается, он чего-то ревнует. Не кого и не к кому – именно чего-то. В смысле почему-то ревнует. Но ревнует как-то не конкретно, скажем, Юлю к Юрке (как он может её ревновать, если увидел девушку впервые). Ну чем же она так напоминает ему Дашу? Ведь непохожа, совсем не похожа. Разве что взгляд, которым она одарила Влада. Именно одарила! А не случайно окинула. Случайно так не улыбаются. И тем более не подмигивают. А она точно подмигнула? Или ему показалось! Температура у него уже дня три как не выше тридцати восьми – при такой не бредят. Нет, она всё-таки подмигнула!

Ему снова сделалось как-то необычайно хорошо, «балдёжно». Как будто поплыл, «потацился». Надо же! Всего-то ещё раз припомнил, как она ему подмигнула – с Юркиного плеча – и тут же «потацился». И чего так! Ну, красивая девушка – и что? Мало ли он видел красивых девушек.

Неожиданно Влад отметил, что Юля красивее Даши – намного. Хотя, вряд ли она его ровесница. Скорее, она, если и моложе Даши, то максимум года на два.

«И чего это я на старших западаю? Ума не приложить... А Даша... Все они такие! Сначала подмигивают, ухаживают, уверяют, что лучше тебя никого в мире нет... А потом

предают, легко и быстро... Взяла, и вышла замуж! Как будто жить без этого не могла... Я, мол, тебя ждать буду. Выпустишься – приедешь ко мне в ПТУ, я там останусь работать. Господи, какое вранье! Любят они красиво врать – жить без этого не могут! (пауза) Ведь не любила! Нисколечко я ей не нравился как пацан. Просто бабы любят кого-нибудь опекать. Наигралась в старшую сестричку, и надоело ей. А тут гормоны попёрли во всю мочь. И телок подвернулся подходящий, небось, со своей хатой – вот и укатила за ним, дура!».

Горькие мысли – хорошее лекарство от любви. Влад уже давно усвоил: хочешь жить, не разочаровываясь, никогда не очаровывайся. Жизнь ему такую установку начала вбивать в подкорку чуть ли не с самого рождения.

– Не жилец, – говорили врачи, пичкая маленького Владика уколами.

А он тогда ещё не знал, что Владик. И речи человеческой не понимал. А вот поди ж ты – запомнил каким-то чудом, что никто из врачей роддома, куда младенца притащила, по сути, милицейская собака (нашла его случайно в мусорном контейнере), не верил в победу Владика-подкидыша над смертью. А он выжил – на зло всем.

– Иммунитет у парня – ого-го! – сказал тогда профессор. Не важно, старая нянечка рассказала это Владу, или он

сам схватил тогда мысли доктора. Главное – от него с самого начала хотели избавиться, в живучесть его не верили, а он – такую большую дулю показал им всем, в том числе и той мерзкой женщине, которую язык не поворачивался мамой назвать.

... – Владик, как дела! Владик! – радостно пропел профессор.

– Почему Владик-то? – ухмыльнулась акушерка. – Хотя, не спорю, имя красивое.

– Владик, гу-гу! – засюсюкал профессор, не обращая внимания на глупый с его точки зрения вопрос коллеги...

А усыновить, увы, никто из них, по-доброму равнодушных людей в длинных белых халатах, не захотел. Спасибо, имя дали. Имя ему всегда нравилось. И звучит благородно, и по смыслу сильное – тот, мол, кто владеет славой. Он и прославился – с рождения. Чем не слава?!

Нянечка, конечно же, так рассказать Владу не могла – не сумела бы. Да и не была она в реанимационной роддома. Но Влад, с момента, когда научился (само собой, разумеется – не целенаправленно) внутренним взором видеть картины, именно так себе и представлял тот маленький, но весьма значительный эпизод из его жизни. Эпизод, который он во время «игры» в нём ещё не мог осознавать...

Засыпая, Влад подумал о своём последнем спасителе:

– А Юрка-то, похоже, красивый парень. Классно они смотрятся вместе. Счастливые ребята – не чета мне...

Так-так

– Слушай, Юрик, мне так его жалко! – мягко протянула Юля, виновато глядя Юрке в глаза.

Она, как это часто у них бывало, с вожделением пристроилась у парня на животе, оседлав его точно наездница. Юрка сам её приучил к такому выражению чувств. Притащил её однажды на тренировку по самбо. Потом дома предложил ей шутливо побороться. Специально поддался. И попался «на крючок». Потом что Юле это вдруг очень понравилось. Не бороться, разумеется, а сидеть верхом на Юрке. Особенно перед тем, как они собирались активно заняться (так обычно шутила Юля) сбросом лишних гормонов. С того момента у них, говоря избитой фразой, и повелось – сперва немного борьбы в одежде, потом потихоньку друг друга раздевая (Юрик обычно предоставлял девушке инициативу: так больше кайфу приходило). Ну, а дальше, как водится, «нанайская борьба» (студенческий эротический жаргон. Прим. авт.) плавно переходила в нежные поцелуи и ласки...

– Правда жалко, Юр..., – взгляд её стал виноватым настолько, что Юля даже начала косить глазами в сторону.

«Та-а-ак...» – протянул про себя Юра.

Нараставшую волну возбуждения как ветром сдуло. Она вообще с того вечера, как только увидела Влада, стала какая-то «не своя». Тогда у них секс не пошёл. Но Юрка и сам

не особенно хотел: после тренировки вымотался до предела. И Юля спешила домой – доделывать курсовую работу по цитологии (жутко «вредная» дисциплина).

Потом два раза всё проходило как-то пресно, словно в спешке. Юрка, впрочем, тогда значения этому не придал. Не всё же время ночной сказке бывать. И потом, он читал в специальной литературе, что настоящая чувственность развивается не раньше, чем к двадцати пяти – тридцати годам. А жить с восемнадцати лет, как он начал с Юлей (к счастью, самой первой его девушкой), – врачи вроде бы и вообще не рекомендуют. Но Юра с Юлей почему-то очень быстро пережили период романтической влюблённости.

Положа руку на сердце, Юрка даже немного стыдился такого развития отношений. Юле (а ей исполнилось тогда девятнадцать), оказались не особенно нужными ни серенады под Лунной, ни долгие разговоры ни о чём по разным подъездам, ни постоянные походы в кино или кафе. Она сразу взяла быка за рога. А если говорить языком пошлости, то... за одно место.

Ну конечно – не так уж и сразу. Юрка ведь всё равно сгорал от нетерпения. И она это видела. И не стала парня мучить. А зачем, когда, во-первых, они уже совершеннолетние и сами за себя отвечают (вот, возьмём, мол, и поженимся), во-вторых, на дворе XXI, а не какой-нибудь XVIII век – иная мораль, иные нормы поведения. В конце концов оба они – люди воспитанные, не распутные, просто сексом абы с кем

заниматься привычки не имеют. Наконец, в-третьих, у парня есть своя собственная квартира. И Юра ей действительно понравился как мужчина. Не надо пошлости. Нравиться как мужчина – для порядочной девушки (а она у него, извините, тоже самая первая оказалась) далеко не сразу связано с понятием «попробовать». Для начала достаточно просто увидеть... лицо и фигуру – в одежде. Услышать голос. Он у Юрки обалденный – мягкий, бархатный, приятно басовитый.

Сыграло свою роль, конечно, и одиночество парня. То, что он детдомовец, насторожило только Юлиных родителей – её саму это даже расположило к нему. Просто потому что сразу стало парня жалко. А такого рода жалость немедленно вызывает желание погладить по головке (прошу не думать в меру своей испорченности, господа!), поцеловать в макушку, пришить пуговицу на его рубашке (даже если для этого сначала придётся украдкой её оторвать).

У них на самом деле с Юриком получилось как-то всё естественно и легко. А то, что он, по природной стеснительности своей, во многом уступал ей инициативу, даже улучшило и ускорило развитие их отношений.

– Юлечка, вы же ещё дети! – пыталась образумить слишком самостоятельную дочку Вера Валентиновна, Юлина мама.

А Сергей Николаевич Шмыров, папа девушки, только один раз хмуро и сухо предупредил:

– Залетишь: с ребёнком или с ЗППП – неважно (он по-

особому язвительно выделил эти четыре буквы) – обеспечивать себе реабилитацию в этом вопросе будешь сама. Так и знай!

И всё – больше ни слова. Мама, правда, какое-то время причитала. А потом неожиданно успокоилась и мало-помалу стала поворачивать сентенции об этом в другое русло. Мол, надо заранее готовиться к семейной жизни, привыкать стирать, убирать, гладить, подшивать, варить.

– И главное, Юлечка – пора тебе, наконец, начинать изучать ценники в гастрономе! Ты же, голуба моя, не знаешь, сколько булка хлеба стоит – наверняка ведь не знаешь. А готовить умеешь только из дурацких рекламных пакетов (пропади они пропадом!), да еще в свч-печке. А надо бы начинать учиться варить без моих подсказок, из свежих продуктов, на газовой плите. Да-да, дорогая невестушка наша!

– Мама! С чего ты взяла, что я... – Юля пыталась «успокоить» Веру Валентиновну, но мама на сентенции дочки даже не обратила внимания.

– Все так говорят, дочка. Мол, и умеем, и знаем, и замуж не хотим. Только почему-то никто из вас, нынешних молодых да ранних, не хочет подумать о том, что мы, родители, во-первых, ещё не старые – у нас помимо родительских забот ещё и собственные интересы могут быть; во-вторых, мы ещё не на пенсии, и работа отнимает у нас много времени и сил, а в-третьих... В-третьих, ты бы спросила сначала мать, горит ли она желанием буквально завтра стать бабушкой.

– Мама! Да чего ты так завелась-то!

– Я дочка не завелась – я не машина, чтобы заводиться. Станешь матерью – всё сама поймёшь. Только ты имей в виду: мать всегда на твоей стороне. Даже если ты окажешься полностью неправой. А Юра, между прочим, подранок. Ты усвой это попрочнее, пожалуйста, голуба моя. Испортишь парню жизнь – тебе от совести своей до старости не спрятаться. Ты же ведь старше его...

– Всего-то на год! – в сердцах перебила тогда Юля Веру Валентиновну.

– Да, всего-то! – ничуть не смутилась мама. – Он только что из детдома пришёл. Ему от армии освобождение. Знаешь почему? Они в детдомах становятся инфантильными во много раз большими, чем избалованные дети из обеспеченных семей. И вообще – при разнице не в пользу девушки у мужчин один год за два идёт. Ты ему вскружишь голову, а потом встретишь зрелого мужчину, с которым просто как женщина – будущая мать – захочешь создать семью. Так нередко бывает. А парню куда деваться? Ты наперёд подумай об этом, доча.

А потом она просто стала потихоньку передавать Юле свой собственный опыт ведения домашнего хозяйства. И отношения в семье стали даже лучше, чем были до первой Юлиной любви.

– Правда, Юр... Мне так его жалко...

«Какая пошлость!» – само собой вырвалось из глубин Юркиного подсознания. Сознательно Юра на самом деле так не подумал бы: чего ж в этом пошлого. Просто настроение почему-то на один градус съехало вниз.

Он был уже в одних трусах, а она всё не давала себя раздеть, всё так же в джинсах и рубашке сидела на нём. Нет, открыто она не уходила от его попыток что-нибудь снять с неё. Просто крепко упиралась ему в ладони своими ладошками, тесно сплетя свои пальцы с его пальцами и, Юрка чувствовал, намеренно удерживала его руки прижатыми к кушетке. Чтобы они не могли начать свои раздевающие ласки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.